

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМЯСЯЧНОЕ
ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ.

Годъ XXIV-й.

І Ю Л Ь.

1893 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ:

I Изъ историческихъ записокъ Іоанна - Альберта Эренстрема. Сообщилъ Г. О. Сноппербергъ.	1— 40	и Индіи и возвр. въ Россію, написанное имъ самимъ въ Санктпетербургѣ 1784 г.	125—149
II. Изъ дѣянія Беригарди. Бесѣды съ принцемъ Евгеніемъ Вяртембергскимъ. В. В. Т.....	41— 60	VII. Записки Н. В. Веригина. Глава XXIII—XXIV. . . .	150—174
III. Изъ записокъ виленаго старомла. Два эпизода изъ жизни Виленаго гимназіи въ 1861 г.— Приѣздъ М. Н. Муравьева въ Вильно, первые дни его пребыванія и прекращеніе сборовъ на повстанцевъ. В. П. Кулина.	61— 83	VIII. Записки А. И. Михайловскаго-Данилевскаго. 1829 годъ. Приѣздъ въ Петерб. въ 1829 г.—Назнач. въ арм.—Прѣб. въ Москвѣ.—Разсказы о пох. 1828 г.—Бессарабія, Яссы.—Приѣздъ въ Букарестъ.—О запискахъ Бенингсена.—Прибытіе въ лагерь при Дайѣ.—О пох. 1828 г.—Объ отреченіи отъ престола императора Александра Павловича.—Слово псаломника объ исторіи Карамзина.—О гр. Морковѣ.—Робость и мнительность императора Александра.—Мысли императора Александра о конспираціи.	
IV Дѣло о подложной просьбѣ объ увольненіи отъ службы пензенскаго губернатора Ф. Л. Вигеля (1807—1809 гг.). А. О. Селанова.	84— 88	I IV. Н. К. Шиллера	175—207
V. Ивказъ съ 1841 по 1866 г. Зап. М. Я. Ольшевскаго. Часть I, главы IV—VI	89—124	IX. Нъ портрету А. И. Михайловскаго-Данилевскаго.	208
VI. Россійскаго унтеръ-офицера девятилѣтнее странствованіе и приключенія въ Бухаріи, Хивѣ, Персіи		X. Библиографическія листокъ (на оберткѣ).	

ПРИЛОЖЕНІЕ: Портретъ А. И. Михайловскаго-Данилевскаго. Гравироваль К. Адтъ.

Принимается подписка на „Русскую Старину“ изд. 1893 г.

Можно получить журналъ за истекшіе года, см. 4 стран. обертки.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Высочайше утвержд. Товарищ. «Общественная Польза»,
Большая Подъяческая, 39.

1893.

VII-я книга „Русской Старины“ вышла 1-го іюля 1893 г.

РОССІЙСКАГО
УНТЕРЪ-ОФИЦЕРА,
КОТОРЫЙ НЫНѢ ПРАПОРЩИКОМЪ,
ДЕВЯТИЛѢТНЕЕ СТРАНСТВОВАНІЕ
И
ПРИКЛЮЧЕНІЯ
ВЪ БУХАРІИ, ХИВѢ, ПЕРСІИ И ИНДІИ
И
возвращеніе оттуда чрезъ Англію въ Россію,
ПИСАННОЕ ИМЪ САМИМЪ
ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ
1784 года.

Его Превосходительству

Господину Тайному Совѣтнику и Кавалеру и разныхъ мѣстъ начальнику

Александрѣ Андреевичѣ Безбородко

Всѣмижайше подноситъ и посвящаетъ сихъ мѣстъ самовидецъ и описатель,

Прапорщикъ Филатъ Ефремовъ.

Въ 1774 году, служа сержантомъ въ Нижегородскомъ пѣхотномъ полку, а по учрежденіи изъ онаго баталіоновъ, въ 1-мъ баталіонѣ, въ Оренбургѣ, который городъ, какъ всѣмъ извѣстно, возмущенною государственнымъ злодѣемъ чернью не малое время содержанъ былъ въ осадѣ, и въ іюлѣ мѣсяцѣ командированъ я былъ на заставу, такъ называемую дорогу Илецкой защиты, съ двадцатью человѣками военныхъ людей, а именно: десятью солдатами и десятью казаками. При командѣ нашей состояла одна пушка. И какъ утренняя заря стала только воспріять свое начало, тогда напали на насъ изъ ватаги бунтовщиковъ около пятисотъ человѣкъ.

Противился я имъ по возможности до половины дня, доколь стало у насъ пушечнаго и ружейнаго пороху, а когда въ ружьяхъ осталось у насъ по одному заряду, взялъ я у казака лошадь, велѣлъ всѣмъ садиться и прочимъ на своихъ лошадей. И злодѣи, узнавъ, что не стало у насъ пороху, не имѣя никакой опасности, ударили прямо на насъ. Я хотѣлъ въ нихъ выпалить изъ ружья и какъ, къ несчастію моему, ружье осѣклось, одинъ изъ мятежниковъ ударилъ по ружью саблею, отрубилъ въ лѣвой рукѣ моей большой палецъ, отчего изъ рукъ оно выпало; другой же ударилъ по головѣ, выше праваго уха, саблею же; третій копьемъ по головѣ же, повыше лба, послѣ чего взяли насъ и въ плѣнъ увезли на ночлегъ. Оные злодѣи, бѣгавши по степи, въ полуночи присаснули, а я съ двумя солдатами отъ нихъ ушелъ. Прибѣжали къ находящейся на киргизской степи рѣчкѣ Донгусъ.

На разсвѣтѣ утренней зари, спрятались подъ нанесенную траву, лежали до половины дня, а съ того времени пошли въ Оренбургъ, который не въ далекомъ оттуда былъ разстояніи. Не болѣе 15 верстъ погони за собою не видали. Отъ онаго мѣста отошли 3 версты; вдругъ изъ-за горы выѣхали киргизцы, до двухъ сотъ человѣкъ, взяли насъ и, посадивъ на лошадей, подвязавъ ноги на брюхо лошадиное, увезли въ свои улусы. Держали у себя два мѣсяца.

Оные киргизцы имѣютъ употребленіе пищи въ дорогѣ: творогъ сушеный лепешками, который называютъ крутъ; кладутъ его въ турсукъ,

а тотъ турсукъ такимъ дѣлается образомъ: снявъ у задней лошадиной ноги кожу, пьютъ мѣшкомъ; въ мѣшокъ, положи крутъ, наливаютъ воды, привязывая къ сѣдельнымъ тарокамъ. Оное отъ ѣзды размочится, растрясется и будетъ густое молоко, кое и пьютъ. Въ домахъ же—пареную баранину и мясо крошатъ мелко, наливъ оное тою водою, въ коей варится мясо. Ъдятъ руками. Пьютъ кумысъ, т. е. кобылье молоко.

Ъдятъ за охотою съ беркутами, оными ловятъ лисицъ, дикихъ козъ и лошадей, такъ же и всякихъ звѣрей. Имѣютъ ружья, сабли, а по большей части пики и стрѣлы.

А какъ навозили не малое число россійскихъ людей и отвезли иныхъ въ Бухарію, а другихъ въ Хиву, продали въ разныя мѣста. Меня въ Бухаріи купилъ хожа Гафуръ; держалъ у себя одинъ только мѣсяцъ, потомъ подарилъ тестю своему Даніаръ-беку, кой въ Бухаріи полновластенъ и оный родомъ узбекъ, то-есть дворянинъ и правитель всѣмъ бухарскимъ владѣніемъ. Называется аталыкъ. такъ что и самъ ханъ ему подвластенъ. Хану имя Абулъ-Газы, имѣетъ одну жену и двѣ побочныя, одна изъ послѣднихъ калмычка, а другая персіянка; и отъ нихъ родились три сына. Аталыкъ имѣетъ четыре жены и шесть наложницъ, послѣднія калмычки и персіанки купленныя. Отъ всѣхъ вообще десять сыновъ и десять дочерей.

Оный аталыкъ опредѣлилъ меня къ своимъ ордынскимъ или серальскимъ дверямъ, гдѣ его жены и наложницы, стражемъ. Я былъ у сей должности, доколь узнать могъ говорить ихъ языкомъ, а какъ узналъ, то аталыкъ пожаловалъ меня дабашею, то-есть капраломъ; далъ въ команду 10 человекъ.

И въ одно время пришелъ ко мнѣ аталыковъ служитель, связывая, что требуетъ меня аталыкъ. Пришедши я къ нему, говорить онъ, что пріѣхалъ изъ Россіи мой посланникъ, мулла Ирназаръ и привезъ посольское письмо: «возьми и прочти». Взявши я оное письмо, увидя титулъ всемилостивѣйшей государыни, снявъ шапку, не могъ зрить сухими глазами, безъ слезъ. Прочитавъ оное, спрашиваетъ меня аталыкъ: «что это такое? Отвѣчай!» Я: «Посланниковъ паспортъ то»,—сказалъ. Онъ: «для чего жъ приложена печать ниже письма?» На то я вторично ему отвѣчалъ, что титулъ россійской государыни пишутъ вверхъ, а печать прикладывается внизъ, для того титулъ значить болѣе, нежели печать. Онъ сказалъ, что неправда, тѣмъ Россія имѣетъ противу насъ униженіе, потому что мы истинной вѣры магометанской. Потомъ вопрошалъ, для чего я плакалъ. «Состоишь въ рукахъ моихъ, то что хочу съ тобою сдѣлаю». Сказалъ я, что Россія не вѣруетъ лживому пророку Магомету, а вѣруетъ Единому Создателю неба и земли, истинному Богу, и нельзя сему стать, чтобъ россійская монархія дѣлала тому,

кому не слѣдуетъ, униженія, отъ руки коей трепещутъ многія государства. Плакалъ же я для того, что во-первыхъ обрадованъ былъ титуломъ российской государыни; во-вторыхъ, тѣмъ, что увидѣть могъ российский писмо. Сверхъ того сказалъ я ему, что по долгу своему, далъ я обѣщаніе всемогущему Богу и нашей августѣйшей монархинѣ служить вѣрно и послушно до истеченія послѣдней капли крови и, что, по причинѣ несчастной судьбины, которая заставила оплакивать Российское государство и ввергла въ руки того, кому я не долженъ жертвовать своею службою. А тотъ еще, кому я не могъ бы быть, безъ той несчастной судьбы, подвластнымъ, обѣщается сдѣлать изъ меня все то, что ему угодно.

Потомъ уговаривалъ меня аталыкъ къ принятію магометанскаго закона и обѣщалъ имѣть въ милости; но какъ я на то не согласился, для чего приказалъ мучить меня и пытатъ по-тамошнему, то-есть, поить солью по три дня. Тамъ же ничѣмъ другимъ не мучатъ, чтобъ человѣкъ повинился или бы къ чему былъ склоненъ. Мученіе жъ то происходитъ симъ образомъ: положить въ большую деревянную чашу пудъ соли, наливаетъ въ нее воды горячей и, когда соль разойдется и вода простынетъ, тогда свяжутъ въ утку и владутъ въ ротъ деревянную палку; человѣка повалиятъ затылкомъ на ту чашу и соль лѣютъ въ ротъ. Ежели не покажутъ, то чрезъ сіе мученіе, чрезъ день, другіе умираютъ, для того, что соль у человѣка животь весь переѣстъ. А если захотятъ кого сберечь, тому, послѣ каждого мученія, даютъ пить топленое теплое овечье сало по три чашки, кое сало соль всю вберетъ въ себя и тамъ верхомъ и низомъ животь очиститъ, и будетъ живъ.

Въ другихъ же винахъ аталыкъ приказываетъ виновнаго повалить во всей одеждѣ и бить палками, коего бьютъ человѣкъ десять и болѣе. И тѣхъ, кои бьютъ, называютъ есаулами, то-есть употребляющіеся вмѣсто разсмышляющихъ.

Меня же не хотя умертвить за мою службу, давали, послѣ каждого мученія, по вышеоглавленной мѣрѣ, сала. Видя онъ, что всѣ его мученія недѣйствительны, то просилъ меня по крайности ему присягнуть, чтобъ служить вѣрно. Ту присягу я сдѣлалъ только изъ пристрастія языкомъ, а не душою, ибо душа моя болѣе въ себѣ ощущала ревности единственно къ службѣ всероссийской императрицы. Потомъ пожаловалъ меня пензибашею, то-есть сержантомъ. Препоручилъ въ команду 50 человѣкъ и такъ находился подъ его предводительствомъ. Былъ въ походахъ и всѣ тамошніе городки и дороги узналъ. И въ одно время были подъ городомъ, именуемымъ Самаркандомъ. Взялъ на сраженіи въ плѣнъ самаркандца. Оный аталыкъ, видя столь ревностную мою службу, пожаловалъ юзбашею, то-есть капитаномъ, и землю, съ коей собиралось въ годъ доходу до трехъ сотъ червонныхъ: вѣ-

рилъ въ команду разныхъ людей сто человекъ, въ числѣ коихъ имѣлось 20 русскихъ. Потомъ съ сыномъ его, Шамратъ-бекомъ, ѣздитъ я съ его войскомъ въ Персію, въ городъ Мавръ ¹⁾; и при томъ его сынъ было до 2.000 человекъ. Отъ Бухаріи одинъ день ѣзды до городка Каракула, отъ оного до рѣки Аму-Дарьи ѣзды три дня. По рѣкѣ той камышу довольно; отчасти и мелкаго тальника. Рѣка шириною полверсты, а мѣстами есть и безмала съ версту; не весьма глубокая. За рѣкою городокъ Чаржуи, отъ коего дорога песчаная и по горамъ малые есть кустарники сокоулы и трава пельны. До города персидскаго, именуемаго Мавромъ, ѣзды шестидней. Хану маврскому имя Баириямали Шамратъ-бекъ. Выигрыша никакого не получилъ, почти бѣжалъ; на побѣгъ въ его войскѣ дорогою не мало померло людей и пало лошадей. Въ Персіи имѣется: Испагань, Ширазъ, Тавриздъ, Дербентъ и Ормузъ.

По возвратѣ моемъ въ Бухарію, влюбилась въ меня невольница аталыкова, ключница, коя всячески старалась, чтобъ я носилъ имя ея мужа, на что я не согласился. Она послѣ изъявляла прямое и усердное къ тому желаніе со мною уйти, куда бъ я ни пожелалъ. Она же родомъ персіянка и, еще молода будучи, также у нихъ, по несчастію, въ плѣну. Но какъ я и общалъ, когда найду свободный случай къ уходу, всеконечно ее не оставляю. Послѣ двухъ лѣтъ, командированъ былъ я въ Хиву съ войскомъ, котораго было 1.500 человекъ. При ономъ войскѣ находился главнокомандующій Бадалъ-бекъ. Отъ Чаржуи, внизъ по рѣкѣ Аму-Дарьѣ, живутъ кочевые трукмяна, коихъ два рода, первые называются тья (текъ?), другіе салоръ. Въ ихъ урочищахъ, по рѣкѣ Вязу, тальнику и травы довольно. Ъхали до хивинской границы, до городка Пятяку, 8 дней, въ коемъ одни городовыя ворота. Отъ оного ѣзды одинъ день до городка Сазарресту, а отъ сего ѣзды половина дня — городокъ Богаткола, въ коемъ одни ворота. Подалѣе сего городка было сраженіе съ хивинскими ямудами. Одинъ хивинскій юзбекъ, наѣхавши, выстрѣлилъ въ меня изъ ружья, отчего опалило у меня правую щеку и ухо порохомъ. Я въ горячности поскакалъ немедленно за нимъ, съ коимъ и сразился; отрубилъ притомъ у него правую руку и взялъ его въ плѣнъ; привезъ его къ главнокомандующему Бадалъ-беку, за что пожаловалъ онъ мнѣ аргамакъ и кармазинный кафтанъ. Послѣ послалъ въ Бухарію съ письмомъ къ аталыку, для требованія еще войска; притомъ мои заслуги выхвалялъ. Онъ аталыкъ за ту службу жаловалъ еще землею и деньгами; приказалъ быть въ готовности къ его войску обратно въ Хиву, кое повелѣніе сдѣлалось мнѣ тогда способомъ уходу отъ нихъ. То въ семь размышленій учинилъ одному писарю свою просьбу, дабы онъ написалъ мнѣ посольскую грамоту въ такомъ разумѣ, яко бы

¹⁾ Надо полагать Мервъ.

послалъ меня посломъ аталыкъ въ городъ Куканъ (Коканъ), за что я, по разсужденію своему, и общался за тотъ его, столь для меня полезный трудъ, наградить деньгами, который и написалъ, за что и получилъ отъ меня, тамошняго курса, 100 червонныхъ, а на російской счетъ—триста рублей. И то письмо вышерѣченной ключницей показавъ; просилъ ее при томъ, чтобы дала ханской печати, кою и общала дать съ тѣмъ только, чтобы ее взять съ собою, то я побоялся ей, что не оставлю, почему она и исполнила просьбу мою. А какъ аталыкъ имѣлъ привычку всегда въ половину дня спать, то ключница, доставъ, принесла мнѣ печать, кою я и приложилъ. Черезъ два дня аталыкъ далъ мнѣ письмо, приказавъ ѣхать въ Хиву, обратно въ его войско. Я и поѣхалъ, яко бы въ его войско, а вмѣсто того, съ двумя русскими, отправился въ Куканъ. Дорогою жъ, признавая меня за посла, давали провизіи и лошадямъ корму.

Въ Бухаріи, близъ рынку, посреди самаго города, кой рынокъ подъ названіемъ чарцу, имѣется поставленный, каменный, круглый столбъ, вышиною 50 (?), толщиною 3 сажени. Съ утра до полудня торгъ бываетъ въ чарцахъ. Въ ономъ мѣстѣ имѣется караванъ-саравъ каменныхъ 4, а съ того времени оный торгъ бываетъ уже у ханскаго двора кой рынокъ называютъ регистанъ. Въ ономъ же рынкѣ поставлены иреды (?). Въ городѣ каменныхъ о двухъ этажахъ монастырей 8, кои называются медресами. Въ каждой кельѣ по 2 человѣка домудла, то-есть старецъ. Во оныхъ большая часть молодыхъ мальчиковъ; есть и женатые. Днемъ въ медресахъ учатся, а ночью уходятъ къ женамъ въ дома. А въ тѣ медресы женскій полъ никакъ входить не можетъ. И въ нихъ, по обѣщанію, даютъ вкладу землю. У тѣхъ домудловъ есть старшій, подъ названіемъ такимъ же; оный отдаетъ земледѣльцамъ исполу и дѣлитъ прочимъ домудламъ, чѣмъ и кормятся. Мечети—большую частію мазанки, а малое число есть и каменныхъ. Оныхъ въ каждой улицѣ по одной.

Бань собственныхъ никто не имѣетъ, а есть торговныя, каменные; построены въ землѣ, только одинъ внаружу верхъ; съ верху окошко; внутри жъ бани—полъ изъ большихъ сдѣланъ каменныхъ плитъ. Съ исподи эти плиты нагрѣваются соромъ, а не дровами; моются теплою и холодною водою: мыломъ же не моются для того, будто оно погано и грѣхъ мыться, а по большей части въ баню ходятъ для того, чтобы грязь отпотѣла. Тѣхъ же бань въ цѣломъ городѣ четыре. Мыломъ моютъ одно только платье, а умершихъ одною теплою водою.

Городовыхъ воротъ 11. Пушекъ девятифунтовыхъ 5; лежатъ на регистанѣ для одной только славы; никуда не употребляются. Пятифунтовыхъ—2; трехфунтовыхъ—8; мортиръ 5. Артиллеріею жъ дѣйствовать не знаютъ, не довольно изъ пушекъ попадать въ стѣну, или изъ

мортиръ на стѣну, но и въ городъ попадать не умѣютъ, а только держатъ все оное, какъ выше означено, для славы, затѣмъ, что въ одной Бухаріи имѣются пушки. Если жъ кто изъ сосѣдей сдѣлается непріателемъ, тогда аталыкъ выѣзжаетъ со всѣмъ войскомъ своимъ, коего собирается до 10.000; онымъ жалованья производятся: каждому рядовому деньгами по 2 червонца, или по 6 рублей въ годъ, да сверхъ того хлѣба, по 4 батмана пшеницы и 4 жугари, а каждый батманъ—по 8 пудъ. Въ наурусъ, то-есть, въ новый годъ, на шапки обвиваютъ кисею, длиною по 8 аршинъ, халаты бумажные; капразамъ—кафтаны суконные, хлѣба, по 4½ батмана пшеницы и по 4½ жугари; жалованья по 2½ червонныхъ или 7 р. 50 коп. Сержантамъ кафтаны полукармазинные, жалованья по 3½ червонныхъ, или по 10 р. 50 к., хлѣба 6½, батмановъ пшеницы и 6½ жугари. Капитанамъ—кафтаны кармазинные, кушаки шелковые, жалованья 20 червонныхъ или 60 рублей; вмѣсто хлѣба—землю. Войско жъ все конница, а пѣхоты не имѣется. Оружіе имѣютъ ружья, сабли, а по большей части пики и стрѣлы. Старшинамъ главнымъ, по ихъ чинамъ—кафтаны шелковые, съ травами (?) шелковыми жъ, серебряными и золотыми, и сіе дается тѣмъ старшинамъ въ состоящіе въ году три праздника, коимъ имена: первый—наурусъ, второй—курванъ, третій—гулисурхъ. Имъ же сверхъ того дается вмѣсто хлѣбнаго и денежнаго жалованья—земля.

И, приближаясь къ непріятельскому городу, велить палить изъ всѣхъ пушекъ и-mortиръ, и тамъ отъ одного звука страшатся, идутъ въ подданство и платятъ дань и такимъ образомъ всѣ тамошніе города—подъ владѣніемъ Бухаріи пришли.

Строеніе называютъ амаратъ, на подобіе огороднаго тыну, съсподи и сверху брусья, оные называютъ завара; между тыну кладутъ сырые кирпичи, называютъ хыштъ; сырые—хамъ; жженые—пухта; глину называютъ лай. Съ глиною мелкую солому мѣшаютъ, потому что солома глину вяжетъ и бываетъ глина чрезвычайно крѣпка, оною глиною внутри и снаружи стѣны обмазываютъ. Стѣна называется дѣваль; верхъ—тамъ. Внутри горницы обмазываютъ алебастромъ, расписываютъ красками; сверху кладутъ по 5, 7 и 9 брусевъ, оные называютъ—баларъ. На брусья—выстроганныя палочки, съ одной стороны горбоватия, а съ другой стороны ровныя, оныя называютъ васа; горбоватой стороной кладутъ на брусья во внутрь горницы, а гладкой кверху. Брусья и палочки расписываютъ красками. На палочки кладутъ рогожи, плетенныя изъ камышу, кои называютъ бурья. Сверху кладутъ землю; потомъ обмазываютъ глиной. На одну сторону немного покато. Деревянный жолобъ, длиною одинъ аршинъ, обмазываютъ глиной, для стеченія воды, кой называютъ нава. Въ горницахъ же постилаютъ лѣтомъ ковры, кои называютъ гилимъ, а въ холодное время—войлоки, которые называютъ

кінзъ. Посреди горницы четырехъугольная яма, шириною аршинъ и болѣе, глубина аршинъ и менѣе; въ оную кладутъ жаръ и называютъ ее танурча, а жаръ—оловъ; на оную яму ставятъ, на подобіе скамейки, оное называютъ сандали; сверху накрываютъ одѣяломъ, на хлопчатой бумагѣ, оное называютъ курпя; подъ оное одѣяло садятся ногами къ жару. Прочія внутри и снаружи обмазываютъ глиною; покрываютъ, кладутъ тоненькія бревешки, на тѣ бревешки прутья. На одной сторонѣ стѣны двери входныя—одни, да двое дверей поменѣ лѣтнимъ временемъ отворяють, чтобъ входилъ вѣтеръ, а зимнимъ—затворяють и замазываютъ глиною. Двери именуютъ ишикъ; вѣтеръ—бадъ. Надъ дверьми вставляютъ рѣшетки, слитыя изъ алебастру для свѣту, а зимою—рѣшетку обмазываютъ бумагою. Рѣшетку называютъ панчора; бумагу—кагазъ. Во всѣхъ тамошнихъ мѣстахъ кушанья по большей части варятъ въ водѣ. Брынчъ, т. е. сорочинское пшено, какъ поспѣетъ въ половину варенія, изъ котла вынутъ, процѣдять, обольютъ холодною водою. Сваривши говядину или баранину, положить въ порожній котелъ потомъ накрошати морковь и муку, смѣшаютъ съ изюмомъ и съ шафраномъ; положить на говядину и потомъ положить сорочинское пшено. Растопивши овечьяго сала, нальютъ на верхъ сорочинскаго пшена; покроютъ крышкою, чтобъ не выходилъ духъ; надъ вольнымъ жаромъ когда упрѣетъ, то кладутъ въ блюда; блюда называютъ табакъ. Одно блюдо ѣдятъ два человѣка руками, а не ложками. Посуды кромѣ глиняной и муравленой не имѣють, а у знатныхъ только палевая. Говорятъ, что изъ другой вѣсти погано и грѣшно. Свадьбы бывають татарскимъ обыкновеніемъ.

Казнь бываетъ въ воровствѣ за малость; мужескъ полъ вѣшаютъ, а женскій окапываютъ по груди въ землю и убивають каменьями; а ежели въ душегубствѣ или ранѣ, аталыкъ отдаетъ виновнаго тѣмъ, кто есть родственники онаго умершаго или раненаго, то они чинятъ съ виноватымъ соотвѣтственно ихъ проступкамъ: если зарѣзалъ, то и его; если ранилъ, то зубъ за зубъ, глазъ за глазъ. А кто за женою примѣтитъ, буде увидитъ свою жену обращающуюся съ постороннимъ, то сихъ обѣихъ мужъ убьетъ и потомъ скажетъ ихъ родственникамъ отомъ ихъ дурномъ поступкѣ; возьмутъ умершихъ сродники и похоронятъ, тѣмъ и рѣшится, а суда никакого не дають. Мушны и женщины ѣздятъ на лошадяхъ верхомъ, ходятъ и пѣшія. Женщины сверхъ платья надѣваютъ фараджи, то-есть женскій халатъ, у коего съ головы до пятъ рукава узкіе, вмѣстѣ сшитые и пущенные назадъ, длиною ниже икоръ. На голову уборъ надѣваютъ, на подобіе лукошка, вышиною въ четверть, кое называютъ кагава; назадъ по оному привязываютъ двѣ штуки изъ холста, вышитыя шелкомъ, сверху шириною 2 вершка, концы полвершка, длиною до пятъ. Двѣ косы такими же штуками обвивають и вьютъ ихъ

веревкою, свитою въ серединѣ, а двѣ распущенныя по краямъ; привязываютъ концы къ оной свитой; итакъ, длина будетъ ниже икорь. Оное именуется мойбовъ. Изъ коневыхъ волосъ въ три ряда свита веревка, на концахъ шнури, оную кладутъ подъ шею, сверху лукошка. Концы привязываютъ, чтобъ лукошко не могло спастъ съ головы, кою называютъ зульфъ. По лукошку, на головѣ, повязываютъ разные платки, на лицо надѣваютъ волосяныя сѣтки, оныя называютъ чашманъ. Дутыя пуговицы золотыя надѣваютъ на шнурокъ по 20 и болѣе, навязываютъ на шею, кое называютъ чавакъ. Шнури повязываютъ черезъ плеча, на оныхъ такія жъ золотыя дутыя пуговицы, на грудяхъ на шнурахъ же по круглому камешку, чтобъ оттягивало на низъ; оное называютъ банданка. У рубашки, передъ вырѣзываютъ почти до пупа; въ то мѣсто вшиваютъ самую рѣдкую кисею. У грудей повязываютъ однѣ сосны маленькими кошелечками, вышитыми шелкомъ. Вся грудь и почти до пупа видна. Дѣлаютъ кисти серебряныя о 0-ти пѣпочкахъ, на концахъ утверждаютъ прониски, оныя привязываютъ къ кисеѣ, противъ пупа, коя кисть виситъ ниже брюха, которую называютъ пешовисъ. Женскій кафтанчикъ называютъ мунисакъ. Ниже брюха пола на полу связываютъ завязками, а грудь и пешовисъ вся на виду. Имѣютъ штаны узкіе до пятъ; на ногахъ башмаки, а въ холодное время на ноги надѣваютъ бахилы, шитыя изъ кожи и изъ сукна съ туфлями; оныя называютъ масы, а башмаки—каушъ. Старухи лица не покрываютъ. Дѣвки отмѣну имѣютъ: волосы плетутъ косъ по 10; концы свиваютъ такъ же, какъ и у женщинъ мойбовомъ, длиною до поясницы; на голову надѣваютъ, на подобіе жидовской скуфы, лукошко, вышиною четверть; по лукошку повязываютъ разными платками. У нихъ женщинъ и дѣвицъ посторонніе люди видѣть не могутъ. Они имѣютъ по двѣ, по три жены, а богатые и болѣе и наложницъ по скольку можно по своему капиталу. Ихъ законъ повелѣваетъ, что должно содержать и по 70-ти; жену называютъ занъ, а наложницу—гумма. У каждой жены и наложницы имѣются особливныя комнаты. Мужья спать съ ними по очереди; къ другой же никакъ приступить не можетъ. Любители приходятъ къ нимъ въ женскомъ платьѣ, а иногда ходятъ женщины, сказывая мужьямъ своимъ, яко бы въ гости, а вмѣсто онаго, къ другимъ людямъ которые сводятъ, гдѣ любители приходятъ и съ ними веселятся. Мужескъ же полъ чрезвычайно склоненъ къ молодымъ....., въ чемъ не имѣютъ отъ начальниковъ своихъ никакого и запрещенія.

Въ той же Бухаріи родится всякихъ фруктовъ довольно, и именно: винограду, изюму, дынь, арбузовъ, яблокъ, замуча, шафталу, аю, кое на подобіе черносливу; джигда на подобіе фаниковъ, и прочаго. Не малое число шелку, хлопчатой бумаги, табаку. Изъ шелку ткутъ всякія матеріи; изъ хлопчатой бумаги—на халаты, пестредь; бязъ—холстъ.

Шелкъ называется абрышимъ, а хлопчатая бумага—пахта. Какъ же сіе родятся, о томъ изъясняется, а именно: о шелкѣ: крестьяне принимаютъ за шелковыя яйца (или назвать сѣмена) послѣ зимняго поворота солнечнаго, нѣсколько дней спустя. Сѣмена родятся отъ бабочекъ; прилипаютъ, какъ мелкія крапинки, къ толстой бумагѣ и къ хлопчатой. Сперва кропятъ сѣмена холодною водою, дважды четыре дня сряду, потомъ бумагу съ сѣменами свертываютъ и держатъ 25 дней и болѣе въ холодноватомъ мѣстѣ и потомъ кладутъ въ муравленую корчагу, закупоря. Въ каждой недѣлѣ одинъ разъ выносятъ на солнце для обогрѣванія. Когда на тутовыхъ деревьяхъ появятся листья, въ то время бумагу съ сѣменами изъ корчагъ вынимаютъ, грѣютъ на солнцѣ, наблюдая, чтобъ не очень горячо нагрѣлись. Отъ нагрѣванія сѣмена видъ свой перемѣняютъ: оказываютъ пепельный цвѣтъ; а какъ онымъ образомъ цвѣтъ появился, бумагу съ сѣменами свертываютъ и кладутъ въ корчагу, закупоря крѣпко. Черезъ сутки вынимаютъ, разстилаютъ на камышевыхъ рогожахъ и грѣютъ въ полуденное время на солнцѣ съ часъ и менѣе. Потомъ вносятъ въ покой или подъ кровлю; чрезъ полчаса сѣмена перерождаются въ черные червячки. Въ то самое время даютъ червячкамъ тутовые листья, рубятъ мелко. Отъ корму будутъ червячки выростать. Отъ рожденія въ 4-й или 5-й день—сдѣлаются бѣлыми а въ 9-й или 10-й день—желтыми и засыпаютъ. Спятъ сутки и болѣе, вверхъ поднявши головы. По семъ черви начинаютъ гнѣзда вить, выпуская изъ рта, на подобіе вилу, непрерывно пятеры и четверы сутки. Сверху сдѣлается плена. Тѣ гнѣзды, кои надобны для сѣмянъ, вносятъ въ особые покои, на прохладный вѣтеръ; чрезъ семеры и восьмеры сутки выходятъ изъ гнѣзда бабочки мужескаго и женскаго рода. Вышедши, попарно совокупаются. Отъ женщинокъ родятся сѣмечки (яички). Бабочки ничего не ѣдятъ и прочь отъ своего мѣста не летаютъ: не высоко попархиваютъ; живутъ не болѣе пяти и шести сутокъ. Сѣмена ихъ—желтоватая крапинка. Изъ сѣмянъ отъ пары бабочекъ родится червей вѣсомъ съ золотникъ и болѣе, а отъ золотника червей—шелку выходитъ два фунта съ половиною и болѣе, черви будутъ съ большою дубовый желудокъ.

Тѣ гнѣзда, кои для шелку, кладутъ въ корчагу. На гнѣзда для замариванія, чтобъ бабочки не родились, кладутъ соли небольшую часть. Обертываютъ въ тутовый листъ; у корчаги горло замазываютъ глиною. Итакъ морятъ восемь и девять сутокъ, а потомъ сдѣлается сверху тонкая плена—въ серединѣ желта. Изъ корчагъ вынимаютъ, варятъ въ котлахъ, а изъ котла вьютъ на колесо, очень тонко, по пяти и шести чедовѣкъ. Послѣ сего бываетъ сѣрый, потомъ варятъ въ разныхъ краскахъ — и будетъ шелкъ.

НАБЛЮДЕНІЕ:

Когда червячки появились—чтобъ было большее тепло; когда заснули—чтобъ малое тепло; послѣ сна—чтобъ прохладновато. Черви любить чистоту, сухость, чтобъ не было дыму или сырости, вони.

Черви, когда черны, то голодны и много ѣдятъ; бѣлы—менѣе ѣдятъ; желты—сыты; смотря притомъ, чтобъ листья не были сухіе, вонючіе, мокрые, холодные, горячіе; кормятъ червей на камышевыхъ рогожахъ; постилаютъ сверху одѣяла холсты, чтобъ червямъ было мягко. Рогожи постилаютъ на сухое мѣсто, гдѣ не бываетъ сырыхъ паровъ.

Смотрятъ, чтобъ червямъ не тѣсно было, а буде тѣсно, берутъ не руками, а лопаточками и кладутъ на другія мѣста. Когда черви созрѣютъ и начнутъ для свиванія гнѣздъ искать мѣста, въ то время берутъ лопаточками и кладутъ въ клѣтки, плетенныя изъ таловыхъ прутьиковъ, на подобіе лукошка; во оныхъ черви вьютъ гнѣзда, кои становятъ на высокія мѣста, гдѣ нѣтъ сырости и зною.

Гнѣзда бываютъ бѣлыя и желтыя; бѣлыя почитаются лучшими. По гнѣздамъ узнаютъ, изъ коего бабочка выдетъ мужескаго рода и изъ коего женскаго. Мужескія гнѣзда бываютъ наверху островатыя и толстокожныя; женскія—на низу кругловатыя и толстокожныя.

Смотрѣть, чтобъ на гнѣзда не попала мокрота, пыль, коноть и сверхъ того на кои-либо не попала нечистота. Тѣ въ клѣткахъ гнѣзда хорошія, которыя ближе къ солнцу. Для бабочекъ собираютъ гнѣзда, кладутъ на рогожи, сверху холсты, порознь, по одному, не стѣсня гнѣздо гнѣздомъ. Предъ выходомъ бабочекъ гнѣзда шевелятся. Бабочекъ сажаютъ попарно на толстую бѣлую бумагу и на хлопчатую; хорошихъ отбираютъ, кои на себѣ никакого страннаго виду не имѣютъ. Умершихъ и уродовъ бабочекъ зарываютъ въ землю, для того птицамъ и скоту бываетъ вредно. О хлопчатой бумагѣ: родиться зерна могутъ, смѣшавши съ золою; сѣютъ на песчаныхъ мѣстахъ; вырастаютъ тонкія, съ листьями, вѣтвя, вышиною слишкомъ аршинъ; на нихъ яблоковъ по 6-ти и болѣе, а какъ станетъ поспѣвать, скорлупа сдѣлается сѣра и будетъ съ большой грѣпкій орѣхъ. Сверху расколется на четыре части и видна будетъ въ срединѣ бумага, кою называютъ гуза. Послѣ бумагу изъ тѣхъ орѣховъ выбираютъ и зерна отъ бумаги отдѣляютъ.

Аладжи, то-есть станокъ, на немъ положены двѣ палочки круглыя, одна къ другой близко. Бумаги приложивъ къ палочкамъ, верхнюю вертятъ, отчего бумага уходитъ межъ палочекъ, а зерна остаются. Прутья жъ тратятъ на печеніе хлѣба. Траву сѣютъ, называютъ юрунка, коя однажды сѣется, вырастаетъ и плодится повсегодно, чрезъ

5 лѣтъ и болѣе, кою жнутъ серпами въ лѣто по три раза. Лѣсъ саженой. Званія фруктамъ: дыня—харбуза, арбузъ—тарбузъ, яблоко—серпъ, изюмъ—узюмъ.

Дрова привозятъ издалеча на верблюдахъ и на ишекахъ. Верблюды имя шутуръ. Хлѣбы пекутъ, прилѣпляя къ сторонамъ печи, толщиною полвершка и тоньше. Хлѣбъ—нанъ. Печь—тандуръ. Лѣсъ же тамъ бываетъ. Тутъ на деревѣ—тутъ родятся ягоды два рода, на подобіе яжовики; бѣлая—тѣ сладкія; черныя—сладки и кисловаты. Бѣлая называются ширинтутъ, а черныя—шатутъ.

Листьями жъ кормятъ шелковыхъ червей. Осина тамъ—гучмъ; соксоулъ—тыканъ, на подобіе можжевельнику. Скотину кормятъ лѣтомъ юрункою, а зимою рубятъ ее мелко и мѣшаютъ съ соломою. Солому мнутъ валами и бываетъ очень мелка и даютъ ячмень и чувару. Деревенскіе мужики и бабы ѣздятъ по большей части на ишекахъ. Купцы пріѣзжаютъ въ Бухарію изъ Индіи и Персіи и изъ всѣхъ тамошнихъ мѣстъ и татары, въ Россіи живущіе: становятся въ караванъ-сараяхъ, гдѣ и бываетъ торгъ. Золото и серебро привозятъ изъ Индіи, Персіи, а больше серебро изъ Китая. Тамъ дождя случается мало; воду берутъ каналомъ отъ города Сапкенту, кой разстояніемъ отъ Бухаріи ѣзды 1 день, или 30 верстъ. Изъ того канала проводятъ канавки и наполняютъ пруды для питья людямъ и скоту и на пашню пускаютъ. Изъ прудовъ берутъ кожаными мѣшками, кои дѣлаются: снимаютъ съ козла кожу, подобно мѣшку, и выдѣлываютъ, какъ сзади, такъ и у ногъ зашиваютъ, а гдѣ была шея, въ то мѣсто наливаютъ воду лейками, сдѣланными изъ кожи телячей. Мѣшку имя—машкъ, а лейкѣ—дулча, что носятъ на себѣ плѣнные ихъ слуги. Вода приходитъ въ пруды мутная. Лѣтнее время домоллы въ прудахъ купаются и моютъ рубашки; отъ нечистоты на водѣ бываетъ зелень и множество вшей. Отъ оной нечистоты у человѣка въ тѣлѣ зарождаются ришты, на подобіе волосатиковъ. Въ которомъ мѣстѣ зародится, то мѣсто будетъ жестоко свербѣть; потомъ будетъ пузырекъ. Какъ время будетъ приходить, чтобъ ей изъ тѣла выходить вонъ, то пузырекъ лопнетъ, выйдетъ съ вершокъ, въ самую тонкую нитку языкъ. Въ то время на тутовомъ листу постное масло прикладываютъ къ ранѣ. У меня первой годъ вышло 15, на другомъ 22, на третій 30, изъ всѣхъ мѣстъ: изъ языку, даже и изъ естества, потянувши выдетъ съ вершокъ и болѣе, а какъ почувствую, что больно, то оберну на хлопчатую бумагу, чтобъ не уходила назадъ въ тѣло. И прикладывалъ тутовые листья съ постнымъ масломъ, которая выходитъ чрезъ 15 и 20 дней въ самую толстую нитку, длиною аршинъ и болѣе. Въ одно время у меня порвалась, и такъ нога распухла, никакимъ образомъ ходить невозможно. Бываетъ жаръ и ломъ. Лѣтомъ почти всякій человѣкъ ходятъ на костыляхъ, они за счастье признаютъ,

ежели она будетъ лѣтомъ, потому что она любить тепло, а холодъ очень вредно. И подь осень лежать много въ постеляхъ, конхъ слугъ плѣнныхъ жестоко мучать и опредѣляютъ къ тяжкимъ работамъ и ругаются неподобно. Если отъ нихъ кто уйдетъ, то, поймавъ, рѣжутъ уши и носъ, а другихъ и убиваютъ до смерти. А пища имъ дается: въ жугарную муку, въ пудъ, кладутъ пшеничной фунта 4 или 5—для связи хлѣбовъ. Въ день одинъ хлѣбъ, въсомъ фунтъ и меньше.

Снѣгъ бываетъ самый большой въ 2 вершка и то, когда солнце взойдетъ, весь растаетъ. Съ 1774 году, какъ у тѣхъ бухарцевъ стали быть христіана, снѣгъ уже сталъ выпадать въ половину аршина и болѣе. Бухарцы же примѣчаютъ, что, конечно, ихъ городамъ быть въ российскомъ владѣніи: когда не было русскихъ, то не видали снѣгу и холоду.

Въ Хиву жъ изъ Россіи былъ посолъ Александръ Бекичъ (Бековичъ), а какимъ образомъ онъ тамо утраченъ, о томъ извѣстно всѣмъ, читавшимъ журналъ Петра Великаго, и изъ состоящихъ при немъ, российскихъ войскъ 100 человекъ, Хивинскій хожа сохранилъ скрытнымъ образомъ, отослалъ въ Бухарію, къ бывшему тамъ хану. Оный ханъ имѣлъ ихъ въ милости, вручилъ имъ ханскій дворъ; кои содержали караулъ на томъ дворѣ и оный ханъ безъ русскихъ никуда не выходилъ и не отъѣзжалъ, для того что далъ имъ большую довѣренность; одного пожаловалъ изъ нихъ топчи-башею, то-есть полковникомъ; далъ ему наименованіе капланъ. Приходящіе въ Бухарію татара, чуваша и прочіе просили каплана, чтобъ ихъ называлъ русскими и такъ подь российскимъ именемъ ихъ было около 500 человекъ. И въ одно время имѣли войну киргизцы съ бухарцами; стояли близъ города Бухаріи и изъ города имъ выѣзжать воли не давали и почти помирали голодомъ, а сколько ни выѣзжали на вылазку, всегда оставались въ немаломъ уронѣ. Капланъ, топчи-баша объявилъ хану: ежели бухарцы дадутъ российскимъ половину Бухаріи во владѣніе, то обѣщали отъ киргизцевъ учинить свободу. Оный ханъ желалъ отдалить отъ себя русскихъ, но напоследокъ остался принужденъ своему народу объявить, что старшины, хожи и чернь были согласны. Близъ того города былъ камышъ. Оный топчи-баша приказалъ русскимъ 500 человекамъ надѣвать кольчуги, сабли и исправить ружья. На восходѣ солнца вышелъ онъ изъ камыша, тайно подошелъ, искуснымъ образомъ, къ спящимъ киргизцамъ, сдѣлалъ залпъ ружейныхъ выстрѣловъ. Оные киргизцы не могли справиться, обратились въ бѣгъ. Капланъ, топчи-баша, съвѣвъ съ войскомъ на лошадей, гнался трои сутки за ними. Киргизцевъ было 5.000 человекъ, а убѣжало не болѣе 1.000 человекъ; прочихъ же побилъ. Бухарцы же собирали только киргизской экипажъ. А б а л ф а н с ъ ханъ послалъ токсабая, то-есть князя, просить каплана о возвратѣ въ

Бухарію. Бухарцы же встрѣчали его съ почтеніемъ и вручили трактатъ; отдали одинъ городокъ Ваткентъ съ пригородами уѣздными, во владѣніе русскимъ. Оныя російскіе сдѣлали въ Ваткентѣ каменный, круглый столбъ, такой же, что и въ Бухаріи.

Послѣ того пріѣзжалъ персидскій Надыръ-шахъ въ Бухарію; женился на дочери Абалфайсъ-хана и въ городъ свой увезъ не малое число узбековъ и прочихъ. При немъ же артиллерія было довольно, а для лучшаго облегченія, ѣдучи дорогою, оставилъ часть артиллеріи въ пескахъ. И, будучи въ Персіи, шахова жена, то-есть дочь Абалфайсъ-хана, сдѣлалась нездорова; отпросилась у мужа своего въ Бухарію для поклоненія могилѣ магометанскаго святаго, именуемаго Боговадинъ и для свиданія съ ея отцомъ и матерью. Шахъ и отпустилъ ее съ войскомъ, при коемъ главнокомандующій былъ Рахимъ-бекъ. Пріѣхавъ къ оставленной отъ шаха артиллеріи, взялъ онъ себѣ. Не доѣзжая жъ до Бухаріи, получилъ письмо, что того шаха персидскаго убили. Послѣ сего извѣстія, онъ войско свое жаловалъ деньгами и ласкалъ содержать въ милости, а какъ они сдѣлались тѣмъ обрадованы и къ нему усердны, тогда онъ написалъ ложное посольское письмо, яко бы шахъ отправилъ его въ Бухарію посломъ. Другое жъ письмо такое, яко бы шахъ, за непорядки, Абалфайсъ-хана велѣлъ лишить жизни, на ханство посадить сына его, а ему жъ, Рахимъ-беку, въ Бухаріи быть атакомъ. Пріѣхавши туда, расположился съ войскомъ своимъ въ ханскомъ саду. Оный садъ называютъ джизманду. И потомъ, чрезъ посольное къ Абалфайсъ-хану письмо, требовалъ его къ себѣ, яко бы для какой думы. То примѣтя, Абалфайсъ, что Рахимъ-бекъ пріѣхалъ съ войскомъ и артиллеріею въ Бухарію. И такимъ образомъ Абалфайсъ-ханъ поѣхалъ къ нему съ небольшимъ числомъ людей. Пріѣхавши къ Рахиму, пошелъ въ покои, гдѣ, взявъ его, отвели въ особую комнату и отрѣзали ему голову, а тѣхъ его людей прирубили. Услыша капланъ, топчи-баши, несчастія, городъ заперъ, противился имъ недѣлю. Оный Рахимъ-бекъ послалъ письмо старшинамъ и черни, по коему яко бы шахъ велѣлъ, за непорядки, Абалфайсъ хана убить, а на мѣсто его сдѣлать ханомъ сына; ему же, Рахимъ-беку, въ Бухаріи быть атакомъ. То старшины и чернь говорили каплану, чтобъ отдать ему городъ. Рахимъ же бекъ обѣщалъ каплана сдѣлать токсабаемъ, яко бы княземъ, а русскихъ содержать въ такой же милости, въ коей и у Абалфайсъ-хана были. Отдавши капланъ городъ, вѣзжалъ онъ ханской дворъ и сдѣлалъ Абалфайсова сына ханомъ, а самъ остался атакомъ.

Каплана жъ пожаловалъ токсабаемъ, то-есть, княземъ, послалъ его въ городъ Шарсаусъ, а русскихъ въ Апкентъ; при себѣ жъ оставилъ малое число. Потомъ спознали бухарцы, что шаха убили, а Рахимъ-

бекъ оное учинилъ подложно, чего отомстить ему было никакъ нельзя, потому что имѣлъ полную власть. Черезъ годъ молодаго хана удушилъ, а народу объявилъ, что своею смертію умеръ; и втораго сына Абалфансова сдѣлалъ ханомъ. Черезъ короткое время велѣлъ его бросить въ колодезь, а сказалъ, будто, гонявши голубей, самъ упалъ туда. Потомъ женился на шаховой женѣ, дочери Абалфансъ-хана, и сдѣлался ханомъ. Абалфансъ же былъ ханомъ 40 лѣтъ. Рахимъ-ханъ, съ токсабаями и прочими обѣдалъ, въ кое время его жена, а дочь Абалфансова, хотя отомстить ему смерть своего отца, повертѣвъ стѣну, выпалила ружьемъ и у Рахимъ-хана спшибла шапку. Кто жъ сіе сдѣлалъ, не отыскали и думалъ онъ сіе, что русскіе хотятъ отомстить ему смерть Абалфанс-хана. Потомъ призвалъ каплана-токсабая, сказывалъ, будто въ Бухарію пріѣхалъ изъ Россіи посолъ. Капланъ, токсабай, прибывши въ Бухарію, вѣхалъ на ханскій дворъ, сталъ слѣзать съ лошади. Тутъ его зарѣзали, а прочихъ русскихъ въ Бухаріи и Ваткентѣ побили, а другіе разошлись. Послѣ того Рахимъ-ханъ заболѣлъ, въ 3 й день лопнуло у него брюхо и померъ. На ханствѣ былъ только одинъ годъ. Даніаръ-бекъ, родной его племянникъ, вѣхалъ на ханскій дворъ, жаловалъ войско, чтобъ наклонились къ его сторонѣ, и потомъ объявилъ народу, что ханъ померъ. Погребя его, остался самъ аталыкомъ. На ханство посадилъ изъ хожей мальчика, бывшаго прежде пастухомъ. Имя ему Абулъ Газы, кой и по нынѣ состоитъ ханомъ. Но оный аталыкъ свѣдалъ, что выпалили изъ ружья не русскіе, а дочь Абалфансъ-хана, который хотя русскихъ и отыскивалъ, но не всѣхъ отыскать могъ. а отыскалъ 5 человекъ, изъ коней 2 имѣли по 105, а трое по 98 лѣтъ, которые мнѣ рассказывали о несчастіи Абалфансъ-хана и русскихъ. А отъ русскихъ тамъ рожденныхъ множество. Отъ 1774 году, какъ въ Хивѣ, такъ и въ Бухаріи, навожено киргизцами весьма довольно.

Въ бытность же мою въ Бухаріи, пріѣзжали изъ Майшлака (Мангишлакъ) трукмяне (туркмены); сказывали мнѣ, что желаютъ въ руссійское подданство; дали челобитную бухарскому послу муллѣ Ирназару, для поднесенія нашей руссійской государынѣ и просятъ, чтобы на ономъ Майшлакѣ сонзволила высочайше приказать построить городъ руссійскаго владѣнія, которую челобитную подалъ или нѣтъ — неизвѣстно. По примѣчавію трукмяновъ, кажется, что запрещаютъ муллѣ хивинцы за тѣмъ, чтобъ не было Хивѣ отъ Россіи какого притѣсненія, потому что Хива отъ Майшлаку разстояніемъ ѣзды 13 дней. А Майшлакъ при Каспійскомъ морѣ; во ономъ пристани; чрезъ сіе мѣсто ѣздить купцы изъ Бухаріи, изъ Хивы въ Астрахань. Отъ Бухаріи городъ Самаркандъ, ѣзды 5 дней; въ немъ городскихъ воротъ 3-е и видно, что прежде былъ городъ немалой, а нынѣ разоренъ. Травы довольно и вода въ небольшой рѣчкѣ проточная. Лѣсъ саженой. Всякаго винограду, грецкихъ орѣховъ и со-

рочинскаго пшеа довольно. Отъ Самарканду ѣзды до города Уртепи (Уратюбе) три дня, въ немъ городскихъ воротъ 4. Вода проведена каналомъ изъ рѣки Сыръ-Дарья. Оный каналъ проведенъ изъ города въ городъ и по всей тамошней области города, даже до самой Бухаріи. Во ономъ державецъ узбекъ роду юзъ, имя ему Худояръ-бекъ. Отъ онаго города владѣніе Коканское, а не бухарское. Отъ Уратепи ѣзды 2 дни до города Хожанту ¹⁾, въ немъ городскихъ воротъ 4; рѣчка Сыръ-Дарья. Отъ Хожанту ѣзды одинъ день до мѣстечка Кукану, при вершинѣ Сыръ-Дарьи; въ немъ державецъ узбекъ, роду юзъ. Имя ему Нарбо-Табекъ, а съ китайской стороны именуется ханомъ, потому что оный имѣетъ съ китайцами союзъ, а съ Бухаріею имѣетъ распрю. Отъ Кукану ѣзды 1 день до мѣстечка Маргилян, въ которомъ складенъ у рынку каменный, круглый столбъ, вышиною 40 сажень (?), толщиною 2½ сажени. Во ономъ текутъ всякаго цвѣту трипъ, а изъ Маргилян стали собираться купцы въ городъ Кашгаръ и я, такожъ, купилъ товару, какимъ они торгуютъ и поѣхалъ въ видѣ купца съ ними. Отъ онаго ѣзды 3 дни до города Ушу, въ немъ городскихъ воротъ 2. Отъ Ушу въ горахъ живутъ кочевые киргизцы. Дорога лежитъ по горамъ и по косо-горью. Горы очень высокія, лѣсу малое число; травы довольно. У одной горы воздухъ весьма тяжелый: пѣшаго человѣка захватываетъ духъ, отчего умираютъ. Тутъ мой товарищъ, одинъ русскій, померъ; и такъ погребъ я его ночью по христіанскому закону, потому что днемъ хоронить было не можно, опасаясь мусульманъ. Не доѣзжая до Кашгару за 2 дни, имѣется въ горахъ свинцовая руда, тутъ же и заводъ подъ веденіемъ кашгарцевъ. Ыхали до Кашгару 13 дней, въ коемъ городскихъ воротъ 4. Въ небольшой рѣчкѣ вода проточная; которой во владѣніи китайскомъ. Въ немъ же бываетъ торгъ, привозятъ товары изъ Бухаріи и Кукана и изъ всѣхъ тамошнихъ мѣстъ, а изъ Россіи приѣзжаютъ находящіеся здѣсь татары. Китайцы привозятъ чай, фанзы, фарфоровую и палевую посуду и серебро, кою продаютъ и на товары мѣняють. Пошлину берутъ китайцы: съ тридцати вещей—одну.

А дорогою, ежели случалось, кто меня спроситъ, я назывался ногаемъ, потому что въ Россіи живущихъ татаръ въ таможенныхъ мѣстахъ называютъ ногаями. Во ономъ Кашгарѣ дѣлаютъ всякимъ цвѣтомъ крашенины и добротою немного ниже здѣшней китайки. Изъ Кашгара ѣздилъ въ городъ Аксу, хотѣлъ какъ-нибудь попасть въ Россію, а какъ способу не нашель, то возвратился въ Кашгаръ, который разстояніемъ ѣзды 12 дней. Въ немъ воротъ 3 и небольшая рѣчка проточная. Живутъ въ немъ китайцы съ женами и дѣтьми. Дорога пещаная. Отъ Кашгара до города Ярканту ѣзды 5 дней, въ немъ воротъ 5. У рынку

¹⁾ Ходжевъ.

круглый, каменный столбъ, вышиною 40 сажень, толщиною 2 $\frac{1}{2}$ сажени и небольшая рѣчка проточная.

Оныхъ басурманскихъ 6 городовъ во владѣніи китайцевъ. Возлѣ тѣхъ городовъ построены еще и особые, а въ нихъ только одни живутъ китайцы. Какъ въ Бухарѣ, такъ и во всѣхъ того владѣнія мѣстахъ, сидятъ вино изъ чернаго, сухаго изюму, всякій для себя и на продажу. И изъ проса дѣлаютъ брагу, а особливо кашгарцы, во всегдашнемъ находятъся пьянствѣ.

И буде жена не полюбится мужу, то скажетъ: «мнѣ тебя совсѣмъ не надобно», а буде домъ собственный его, то женѣ изъ него выгоняютъ, послѣ чего дни черезъ два или три женится на другой. И ежели въ томъ несогласіи дойдетъ до суда, то и судъ скажетъ, что ежели жена не полюбилась, можно жениться на другой. И женщины съ мужьями обходятся также. Буде любить ее мужъ и сверхъ чаянія увидитъ ея съ любителемъ обращающемся, то и говорить не смѣетъ, опасаясь, чтобъ не отошла прочь. Тамъ женска пола больше, нежели мужскаго.

По прїѣздѣ моемъ въ Яркантъ, купцы стали собираться черезъ мѣсяцъ въ мѣстечко Тевадъ ¹⁾ покупать товаровъ, коего и я купилъ тамъ же и слугу чернаго арапа. Во образѣ купца поѣхалъ съ ними. Дорога лежитъ между горами по косогорью; на срединѣ горъ рѣка, называется Атакъ. Дровъ и травы малое число, а ночлегъ бываетъ, гдѣ есть поляна. Дорогою ѣдятъ: сваря чаю и кладутъ въ него пшеничное толокно. И лошадямъ кормъ возятъ съ собою, потому что во ономъ мѣстѣ жилья не имѣется. Не доѣзжая за 15 дней есть гора весьма высокая; во оной воздухъ тяжелый и всегдашній туманъ челоуѣку и лошадямъ захватываетъ духъ, отъ чего и умираютъ. Тутъ мой товарищъ померъ, коего по-христіански похоронилъ. Ъхали 35 дней до мѣстечка Тевату. Товаръ свой чрезъ томачей продалъ, а лошади пали; остался съ однимъ я слугою арапомъ. Тамъ же люди вѣры китайской. Носятъ платье обоего пола суконное, на ногахъ поршни изъ лошадиной сырой кожи; рубашекъ и постелей не имѣютъ; лица и рукъ не моютъ; покой въ косогорѣ изъ дикаго камня, однѣ двери; посреди покоя ставятъ котелъ, сдѣланный изъ того жъ камня; пищу имѣютъ: въ чайную воду кладутъ толокно; каждый имѣетъ особое судно, изъ коего и ѣдятъ; пшеницы родится тамъ очень мало, потому что тепла бываетъ не болѣе двухъ мѣсяцевъ. Оное мѣстечко въ горахъ и съ оныхъ снѣгъ никогда не сходитъ. Державца называютъ Раджа-Ламы, то-есть попы, носятъ платье суконное желтое и шапки такія жъ, на подобіе жидовской скуфы. Погребеніе бываетъ у нихъ снмъ образомъ: мертваго положить ламѣ на спину, привязавъ, по-

¹⁾ По всей вѣроятности, здѣсь говорится не объ мѣстечкѣ, а о Тибетѣ.
Р е д.

кроютъ чернымъ сукномъ; за шею ламѣ привяжутъ веревку; другой лама возьметъ ее и ведетъ съ мертвымъ. Прочіе ламы идутъ впереди и поютъ, а народъ позади мертвого; поютъ же и играютъ на всякихъ инструментахъ. Взвезя на высокую гору, сажаютъ мертвого на землю, вокругъ окладутъ его дровами, на голову нальютъ масла; послѣ этого провожатый народъ возвратится во-свояси, а ламы мертвого одни сожигаютъ и сжегши надъ пепломъ складутъ могилу, среди коей сооружаютъ глиняный, побѣляемый алебастромъ, столбъ, вышиною въ сажень, а если богатый, то и выше. Ламы по семъ возвратятся въ домъ умершаго, гдѣ пьютъ и веселятся. А вино сидятъ каждый для себя изъ пшеницы. Жилъ я въ томъ мѣстѣ 25 дней. Пришли 3 человѣка нищихъ мусульманъ, которые шли къ поклоненію въ Мекку къ Магометову гробу, и я сказалъ, что туда иду, и, сообщаясь съ ними, надѣлъ такую же нищенскую одежду. Изъ Тевату пошли пѣшкомъ, потому что горы высокія и на лошадяхъ тамъ не ѣздятъ; есть такія между каменьями мѣста, что едва можно человѣку пройти, и товаръ носить на спинахъ. Отъ Тевату до рѣки Джилмъ ходу 8 дней, отъ сей рѣки до мѣстечка Кашемиру ходу 7 дней. Во ономъ протекаетъ небольшая рѣчка Нилабъ, а вокругъ мѣстечка того болото, въ коемъ родится шафранъ. На волахъ шерсть мягкая, какъ шелкъ, коней воловъ называютъ ковмешъ, ту ихъ шерсть прядутъ тонко и ткутъ кушаки, шириною болѣе аршина. Въ тамошнихъ мѣстахъ хановъ называютъ сардаръ, а въ Кашемирѣ—овганъ-мосулманъ, имя ему Карымъ-Датъ. Хоромное строеніе изъ мелкихъ досокъ въ двѣ стѣны; конопатятъ ленькою; покрываютъ соломою. Платье носятъ обоюго пола суконное бѣлое; шьютъ кафтаны на подобіе русской крестьянской рубашки: косою воротъ, покроємъ длинные до пятъ, спустивши съ одной руки рукавъ. Подъ платьемъ держатъ съ жаромъ горшокъ, оплетенный таловыми прутиками, съ рукояткой, отъ коего жару брюха у нихъ пѣгя; а буде садутъ, поставятъ между ногами. Пищу ѣдятъ: вареное сорочинское пшено; для духу кладутъ чеснокъ. Сіе мѣстечко Кашемиръ стоитъ въ горахъ, отъ онаго до рѣки Джанопу ходу 5 дней. По одну сторону рѣки Кашемирское владѣніе, а по другую индѣйская граница. На обѣихъ сторонахъ рѣчки поставлены столбы, за которые утвержденъ толстый канатъ, на оный положена деревянная дуга; по концамъ дуги привязана изъ веревокъ сидѣлка, по обѣ стороны дуги жъ на канатъ деревянные кольца; къ кольцамъ съ обонхъ береговъ подвязана толстая веревка, концами за большую дугу. И сажаютъ на сидѣлку человѣка, кладутъ товаръ, привязываютъ веревками, чтобъ въ воду не упали, и тянутъ воротомъ съ берегу на другой. Для того сіе сдѣлано, что та рѣка, стремясь съ превысокихъ горъ, очень быстра, и никакъ мосту сдѣлать и ѣздить на лодкахъ не можно. Отъ рѣки дорога по горамъ; травы мало, а лѣсу и совсѣмъ не

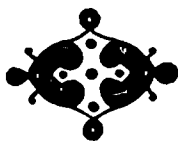
имѣется. До мѣстечка Джаннани ходу 3 дни и отъ сего дорога по грамъ до мѣстечка Джамбу, ходу 2 дни, въ немъ рѣка Рави. Отъ него дорога и города на ровныхъ мѣстахъ; тѣсь саженой, травы малое число. До городу, коему прежде званіе было Чакикру, а нынѣ во владѣніи у другихъ, конхъ называютъ Сиеъ, которые городъ именуютъ Амбарсанъ, ходу до него 8 дней. Въ немъ водою пользуются колодезною. Отъ него до городу Вару-вару ходу 2 дни. Въ немъ рѣка Біянады. Отъ него ходу до Пилауру 3 дни, въ коемъ рѣка Сатлучъ. Отъ Пилауру до города Малеру ходу 3 дни, въ немъ вода колодезная. Отъ онаго ходу до городу Патмалу 2 дни; вода колодезная. Отъ него до города Карнагалу 3 дни; вода колодезная. Вышесказанныя мѣстечки и города въ тѣхъ мѣстахъ называютъ Панджопъ. Державцевъ называютъ сардарами, а не ханами. Городъ съ городомъ всегда имѣють вражду и часто бываютъ ссоры и сраженія. А отъ Карнагалу города состоящіе называютъ Индустанъ. Отъ коего ходу до города Панипату 1 день. Отъ сего жъ до столичнаго города Дели, а другое имя Шайджановатъ, ходу 3 дни; въ немъ рѣка Джаноупъ. Индѣйцы называютъ Дели, а мусульмана Шайджановатъ. И прежде городъ былъ не малый, а нынѣ разоренъ противу того уже въ половину. Державецъ Бадша; имя ему Али-Кавчаръ; магометанскаго закона, имѣющій полную власть, персіянецъ, имя ему Начапханъ-Ибадша, подъ его властью. Въ городѣ Дели артиллеріи довольно; люди малосильные и робкіе. Въ ономъ городѣ нищіе отъ меня скрылись безвѣстно куда. Остался я со слугою своимъ арапомъ и куда идти не зналъ. Воспомянувъ Бога, проговорилъ по-персидски. Мимоидущій челоуѣкъ остановился со мною и говорилъ: «какой ты челоуѣкъ?» Я сказалъ — російскій. Взялъ онъ меня къ себѣ въ домъ, и у него я обѣдалъ и спалъ. Родомъ же онъ армянинъ, именемъ Симіонъ. На другой день спрашивалъ, какимъ я образомъ попалъ въ тамошнее мѣсто? Я отвѣчалъ, какою несчастною судьбою попалъ въ полонъ и въ оное пришелъ мѣсто. Онъ армянинъ отправилъ меня съ купцами въ городъ Лякнауръ. далъ письмо къ англійскому священнику, природному голстинцу, сказалъ, что онъ ему пріятель; дорогу мнѣ покажетъ и буду въ Россіи. Ъхали на лошадахъ верхами до города Акбировату 7 дней; въ немъ рѣка Джонопъ. Отъ онаго до города Шупуравату 1 день. Отъ сего города владѣніе англичанъ. До города Карнауку ѣзды 3 дни; въ немъ рѣка Гангъ. До города Лякнауру 4 дни, въ немъ рѣка Гумти, гдѣ стали въ караванъ-сараѣ. Данное мнѣ армяниномъ письмо вручилъ я священнику. Онъ обѣщалъ отправить меня въ Англію. На другой день прислалъ за мною слугу, почему я и пришелъ въ домъ къ нему. Говорилъ онъ, яко бы узналъ обо мнѣ тамошней комендантъ Медлитомъ и хочеть-де взять въ свою службу. Я, услыша оное, просилъ его о избавленіи комендантской наглости. Священникъ

далъ мнѣ изъ жалости пару платья и башмаки съ чулками, совѣтуя сказаться, что родомъ я изъ Петербурга, а ежели спросятъ знаетъ ли кто меня, то сказать, что-де знаетъ жившій въ Петербургѣ и Ораиенбаумъ голстинскій священникъ такой-то. Возвратился я отъ священника въ караванъ-сарай, тогда взяли и держали меня подъ карауломъ 2 дни. Потомъ спросилъ комендантъ, что я за человѣкъ. Я отвѣчалъ по приказанію священника. Комендантъ призвалъ и его, обо мнѣ спрашивалъ. Она сказалъ, что я честной фамиліи, а именно: графа Чернышева родственникъ. Услыша, комендантъ меня немедленно освободилъ и далъ мнѣ письмо для врученія его пріятелю мистру Чамберу въ городѣ Калкатѣ, чтобъ онъ отправилъ меня въ Англію, и такимъ случаемъ освободился я отъ втораго плѣну. Изъ Лякнаура ѣхалъ въ индѣйской коляскѣ, подобно чухонской телѣгѣ, съ зонтикомъ, въ кою впрягаютъ 2 вола. До города Кампу ѣзды 2 дни; въ немъ рѣка Ганга. Во ономъ мѣстѣ нанялъ я лодку; плылъ рѣкою до города Илебашу 6 дней. Подъ Илебашемъ рѣчка Джамна; ниже Илебашу Ганга пала въ Джамну. Отъ онаго до городу Банареса 6 дней до Патны, а другое имя Азимоватъ—5 дней. Отъ него до деревни Муангенчу 7 дней. Оная рѣка подъ деревнею разбилась на-двое: въ лѣвую руку, въ городъ Мадрасъ, а въ правую—въ городъ Калкату. Отъ той деревни до города Максудовату 2 дни; отъ него до Калкаты плаванія 6 дней. Тѣ города, которые во владѣніи англичанъ, въ тамошнихъ мѣстахъ называютъ Бенголь или Бенгала. Та Бенголь изобилуетъ всею Индіею золотомъ, серебромъ, брилліантами, жемчугомъ, шелкомъ и прочими вещами и матеріями. Во всей же Индіи люди черные отъ величайшихъ жаровъ. Индѣйцы ходятъ наги; спереди и сзади подпоясываютъ кушаками. Головы обертываютъ кушаками жъ. Имѣютъ на ногахъ туфли. А женщины на головы накладываютъ платки; рубашки имѣютъ самыя короткія, кои покрываютъ одиѣ только груди; рукава длиною 2 вершка; юбки длинныя; носятъ башмаки, а богатыхъ примѣчаютъ по тому: мужчины на подобіе перловъ повязываютъ на шею, сдѣланное изъ золота украшеніе; въ одномъ ухѣ кольцо; на рукѣ перстень—золотые жъ. У женщинъ въ ушахъ и ноздряхъ кольца и на руки надѣваютъ по одному кольцу золотому жъ. Ѣздятъ тамъ на слонахъ и кладутъ на нихъ сдѣланные ящики съ зонтиками; во ономъ коверъ и подушка, обитая сукнами по зонтику; вокругъ ящика подзоры, вышитые шелкомъ съ бархатами, серебряными, золотыми и шелковыми, а прочіе дѣлаютъ портшезъ или носилки, то-есть ящикъ, вышины $\frac{1}{4}$, длина 2 аршина, ширина $1\frac{1}{2}$ аршина съ золотниками жъ; обиваютъ всякими сукнами, съ подзорами и бархатами. Впереди у ящика утверждено дерево, выгнутое на подобіе ослиной шеи, сзади прямое, выкрашенное краскою. Если сядетъ человѣкъ здоровый, то сзади и спереди по 4 человѣка

*

или по 5, носятъ на себѣ попеременно. Впереди жъ одинъ ходитъ съ тростью для распространенія дороги. Другіе дѣлаютъ портшезъ или четырехугольную будку, ширины и длины $1\frac{1}{2}$ аршина, вышиною безъ мала 2 аршина; обиваютъ кожею; съ обѣихъ сторонъ двери; на дверяхъ и впереди стекла; внутри бесѣдка. Такимъ же подобіемъ носятъ на себѣ. Оные портшезы именуютъ палки. Лошадей имѣютъ, за дороговизною, мало для того, что ихъ приводятъ на продажу изъ другихъ земель, кормъ дорогой, и сходятъ имѣть людей 20, нежели одну лошадь. По всей же Индіи родится сладкій тростникъ или камышъ, который называется найшакаръ, и изъ него дѣлается сахаръ, леденецъ и прочіи сладкія закуски. Вино сдѣлать изъ того камышу и изъ пшеницы, всякій про себя и на продажу. Родятся же всякіе фрукты, кромѣ винограда, изюму, дынь, арбузовъ; и все сіе привозятъ изъ другихъ земель. Индѣйцы разныхъ вѣръ, вѣрують въ солнце, мѣсяцъ, звѣзды, скотину, въ болвановъ и во всякую гадину и имъ жертвы приносятъ, а именно: вѣрующіе въ солнце на восходѣ онаго входятъ въ рѣку по колѣно и глядятъ на солнце, читаютъ и послѣ плещутъ на солнце водою 3 раза; въ мѣсяцъ на восходѣ онаго также глядятъ и читаютъ, бросаютъ землю на мѣсяцъ 3 раза; въ корову—ежели кто изъ иновѣрныхъ станетъ бить оную, то покупають, а если купить не на что, тогда весьма плачутъ. Говядины не ѣдятъ, а держатъ для молока.... Въ то время варки пиши къ сему мѣсту никто подойти не можетъ. Потомъ приходя къ болванамъ, обливаютъ имъ головы масломъ и разведенною въ водѣ краскою, а другіе водою. И въ домахъ варятъ пищу такъ же. Въ то время если кто, не вѣдая, придетъ чего просить, тогда имъ своя пища уже сдѣлается погана; отдають ее тому приходящему; будутъ съ него требовать за пищу денегъ, чего она имъ стоитъ, и если не отдастъ, то и судъ прикажетъ заплатить. Мертвыхъ у рѣки сжигаютъ; сожегши, пепелъ и кости сметають въ рѣку, а другіе больнаго человѣка, не имѣющаго движенія и кой безъ языка, который уже при концѣ жизни, приносятъ къ рѣкѣ, сажаютъ на землю, близъ воды. Буде есть жена, дѣти или родственники, а если никого нѣтъ, то старый человѣкъ возьметъ больнаго за голову, окунетъ въ рѣку, а какъ захлебнется, тогда столкнуть совсѣмъ его въ рѣку, коихъ утопшихъ уносятъ въ море, а другихъ сѣдаютъ псы. Въ Индіи: Агра, Сурата, Гоа Португальская и Каликутъ Голландскій. Азія къ востоку, съ Восточнымъ океаномъ, или Тихимъ моремъ, а къ западу съ Чернымъ и Средиземнымъ морями и съ тѣми границами, которыми отдѣляется отъ нея Европа; къ югу же—съ Индѣйскимъ океаномъ.

Прибывши я въ городъ Калкату, данное отъ коменданта Медлитона письмо вручилъ я мистру Чамберу, кой въ моемъ дѣлѣ совѣмъ было отказалъ; при мнѣ былъ купленный слуга арапъ, коего подарилъ я мистру, то просилъ онъ одного капитана, чтобъ свезъ меня до Англіи. Изъ Калкаты плыли до деревни Инджири 5 дней, коя стоитъ на взморьѣ по Индѣйскому морю, бѣжали по морю тому 2 мѣсяца и 6 дней. Поверстались противъ Африки, острова были видны. Отъ оныхъ бѣжали до острова Санталиа 19 дней. Тотъ островъ вѣдѣнія англичанъ, съ коего въ корабль брали прѣсной воды. Отъ Санталиа бѣжали до Ирландіи до мѣстечка Каслегивнъ 1 мѣсяцъ и 19 дней. Отъ Каслегивна до мѣстечка Кантиси 1 день, изъ коего ѣхалъ я сухопутно до мѣстечка Корька (Корка) часовъ 8. Изъ Корька ѣхалъ въ наемной каретѣ до мѣстечка Довлена (Дублина) 5 дней. Изъ Довлена переѣзжали въ суднѣ морской заливъ до англійской границы, до мѣстечка Ливерпуру—2 дня и одна ночь. Изъ Ливерпура ѣхалъ въ каретѣ по почтѣ до Лондона—2 дни и 2 ночи, гдѣ и явился къ руссійскому министру господину генералу Симолину, который снабдилъ меня паспортомъ, и отправленъ былъ руссійскимъ консуломъ и находившимся тогда въ Лондонѣ его сіятельствомъ, графомъ Иваномъ Петровичемъ Салтыковымъ моремъ въ Петербургъ къ его превосходительству г-ну тайному совѣтнику и кавалеру Александру Андреевичу Безбородку. Явился я въ 1782 году, августа 26 числа. По именному повелѣнію, въ Царскомъ Селѣ пожалованъ я прапорщикомъ 1 мая 1783 года и опредѣленъ въ государственную коллегію иностранныхъ дѣлъ по знанію бухарскаго, персидскаго и другихъ азіатскихъ языковъ.

Эта статья напечатана съ имѣющагося въ архивѣ нашего журнала подлинника, писаннаго авторомъ въ 1784 году. При напечатаніи исправлены только нѣкоторые ореографическія ошибки безъ намѣненій слога. Ред.

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМЕСЯЧНОЕ
ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ.

Годъ XXIV-й.

АВГУСТЪ.

1893 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ:

I Изъ историческихъ записокъ Іоанна - Альберта Эренстрема. Сообщ. Г. О. Свинкербергъ и Н. С. Иванна.	209—267	VI. Григорій Фодоровичъ Кнѣтъ - Основляенко. — Рѣчь И. И. Срезневскаго надъ гробомъ Г. О. Кнѣтъ. — Письмо И. И. Срезневскаго Н. И. Костомарову. Сообщ. В. И. Срезневскій	388—392
II. Мнѣнія иностранцевъ-современниковъ о великой сѣверной войнѣ. Ф. А. Витберга.	268—286	VII. Всеподданнѣйшая записка графа Нессельроде (перев. съ франц.). Изъ бумагъ Н. Г. Устрялова.	393—399
III. Кавказъ съ 1841 по 1866 гг. Зап. М. Я. Ольшевскаго. Часть I, главы VII—IX	287—319	VIII. Матеріалы и замѣтки. I. Изъ воспоминаній стараго инженера. Сообщ. А. А. Какушкинъ. — II. Замѣтки по поводу «Странствованія» русскаго унтеръ - офицера Ефремова. — III. Памятникъ турецкой войны 1828—1829 гг. — IV. Аракчеевское помѣстье. Сообщ. Н. Д. Ширяевъ. — V. Письмо графа Н. П. Румянцева императору Александру. С.-Петербург., 3-го января 1813 года. Сообщ. Н. К. Шилдеръ	410—415
IV. Воспоминанія Валеріана Александровича Панаева. I. Съѣздъ для раздѣла. — Затѣи стараго времени. — Характеристика двухъ Страховыхъ. — II. Характеристика нѣкоторыхъ лицъ, присутствовавшихъ при раздѣлѣ мѣстна А. В. Страхова. — III. Пріѣздъ Н. И. Панаева. — Его женитьба. — А. О. Р-скій и его странная болѣзнь	320—355	IX. Библиографическій листокъ (на оберткѣ).	
V. Записки А. И. Михайловскаго - Данилевскаго. 1829 годъ. V—VII. Н. К. Шилдера.	356—387		

ПРИЛОЖЕНІЕ: Портретъ графа Н. П. Румянцева. Гравировалъ Н. Н. Матюшинъ.
Принимается подписка на „Русскую Старину“ изд. 1893 г.
Можно получить журналъ за истекшіе годы, см. 4 стр. обертки.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Высочайше утвержд. Товарищ. «Общественная Польза»,
Большая Подъяческая, 39.
1893.

VIII-я книга „Русской Старины“ вышла 1-го августа 1893 г.

шихъ въ постройкѣ и утверждавшихъ проектъ выгнать изъ службы, и наконецъ приказалъ подполковнику Д. и капитану Г. тотчасъ отправиться на Красносельскую гауптвахту на два мѣсяца, а начальнику округа, полковнику Х., сказалъ: «а ты у меня не смѣй сходить съ дороги, пока шоссе не сдѣлается», прибавивъ: «что бы съ тобою ни сдѣлалось». Продолжать работу велѣлъ, вмѣсто В., майору Л., а вмѣсто Г. инженеръ-поручику К.

Напуганные В. и Г. всѣ два мѣсяца были въ страхѣ и отчаяніи, но, по истеченіи срока ареста, графъ, забывши свой гнѣвъ, оставилъ ихъ на своихъ мѣстахъ службы, по-прежнему былъ къ нимъ милостивъ и расположенъ.

По выступленіи же въ августѣ войска изъ лагеря, всѣ замѣченныя графомъ неправильности было поручено тому же поручику К. передѣлать, а именно: сдѣлать въ нѣкоторыхъ мѣстахъ прежнія насыпи въ полотнѣ, сдѣлать отъ каждаго дома мощеные спуски на дорогу, устроить противъ домовъ, на краяхъ откосовъ глубокихъ боковыхъ канавъ, сплошныя по обѣимъ сторонамъ шоссе, перила и многое другое, и все на счетъ виновныхъ.

Нѣсколько разъ во время сихъ работъ, для осмотра прѣзжалъ графъ въ Красное Село и въ концѣ сентября, когда уже немного оставалось окончить, онъ, взявъ за плечо поручика К., указалъ на небо и сказалъ: «видите небо сѣрое, смотрите» и, погрозивъ пальцемъ, прибавилъ: «чтобъ все было окончено до снѣга, который уже собирается».

Вскорѣ все было окончено, и тогда графъ по добротѣ своей не приказалъ относить расходъ по этимъ работамъ на виновныхъ.

А. А. Какушкинъ.

II.

Запѣтка по поводу „Странствованія“ російскаго унтеръ-офицера Ефремова.

Въ іюльской книжкѣ «Русской Старины» сего года помѣщено любопытное описаніе странствованій и приключеній въ Бухарѣ, Хивѣ, Персін и Индіи русскаго унтеръ-офицера (потомъ прапорщика) Филиппа Ефремова. Въ дополненіе къ этой статьѣ сообщаемъ слѣдующую запѣтку о самомъ Ефремовѣ и о печатныхъ изданіяхъ его записокъ.

Филиппъ Сергѣевичъ Ефремовъ родился въ Вяткѣ и былъ сыномъ тамошняго консисторскаго секретаря. Въ 1763 году онъ вступилъ въ военную службу и въ 1774 году былъ уже сержантомъ въ одномъ изъ полевыхъ полковъ. Находясь въ отрядѣ, дѣйствовавшемъ противъ Пугачева на Илецкой дорогѣ, Ефремовъ захваченъ былъ въ плѣнъ киргизъ-кайсаками и ими проданъ въ Бухару. Тамъ пробылъ онъ семь лѣтъ. По возвращеніи въ Россію, Ефремовъ

былъ представленъ императрицѣ Екатеринѣ II, 1 мая 1783 года, пожалованъ чиномъ прапорщика и, по представленію графа А. А. Безбородко, въ томъ же году опредѣленъ былъ въ службу въ коллегію иностранныхъ дѣлъ въ число толмачей бухарскаго, персидскаго и другихъ азіатскихъ языковъ; но въ 1785 году уволенъ былъ для опредѣленія въ другой службѣ. Въ 1786 году онъ издалъ въ Петербургѣ описаніе своихъ приключеній особою книжкою, подъ заглавіемъ: «Россійскаго унтеръ-офицера Ефремова десятилѣтнее странствованіе и приключенія въ Бухаріи, Хивѣ, Персіи и Индіи и возвращеніе оттуда черезъ Англію въ Россію»; къ книжкѣ приложенъ былъ словарь 625 бухарскихъ словъ съ русскимъ переводомъ. Въ 1811 году вышло въ Казани третье изданіе этой книжки, исправленное и дополненное. Скончался Ефремовъ въ чинѣ надворнаго совѣтника.

О Ефремовѣ напечатана біографическая замѣтка въ «Словарѣ русскихъ свѣтскихъ писателей» митрополита Евгенія (Москва 1845 г., т. I, стр. 228—229).

III.

ПАМЯТНИКИ ТУРЕЦКОЙ ВОЙНЫ 1828 — 1829 ГОДОВЪ.

Императоръ Николай Павловичъ, желая увѣковѣчить подвиги русскихъ войскъ во время войнъ въ Персіи, Турціи и Польшѣ, съ 1826 по 1831 гг., повелѣлъ въ декабрѣ 1833 г. соорудить въ Петербургѣ около бывшей Московской заставы (близъ Воскресенскаго Новодѣвичьяго монастыря) чугунныя триумфальныя ворота. Главное наблюденіе за постройкою этого монумента возложено было на министра финансовъ, графа Е. Ф. Канкринъ; планъ, составленный архитекторомъ Стасовымъ, Высочайше утвержденъ 20 апрѣля 1834 г.; расходъ на всю постройку опредѣленъ въ суммѣ около 1 милліона руб. ассиг.; отливка воротъ со всѣми принадлежностями поручена Александровскому заводу; составленіе рисунковъ арматуръ и другихъ украшеній, по Высочайшему повелѣнію, поручено академику Б. И. Орловскому, а вышина воротъ вѣстѣ съ изображеніемъ трофеевъ на верху ихъ—опредѣлена въ 13 сажень 8 вершковъ. Закладка этого монумента послѣдовала въ отсутствіе императора Николая Павловича—24 августа 1834 года; въ сентябрѣ 1837 г. всѣ части воротъ были уже отлиты и установлены на мѣстѣ. Въ томъ же 1837 г. 4 іюня государю Николаю Павловичу угодно было начертать собственноручно слѣдующую надпись для помѣщенія на воротахъ: «Побѣдоноснымъ Россійскимъ войскамъ въ память подвиговъ въ Персіи, Турціи и при усмиреніи Польши въ 1826, 1827, 1828, 1829, 1830 и 1831

*